B112
131

М. ТЕВЕЛЕВ

ИВАН БОГАТЫРЬ

1943

ОИ
ЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ
ОДАЯ ГВАРДИЯ

5112
131

М. ТЕВЕЛЕВ

ИВАН БОГАТЫРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943

786506

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

Его вспоминают всегда: и в зрелые годы, и в годы старости, в дни радости, и в трудные дни испытаний, и когда стоят на пороге нового, еще неведомого, и когда переступят этот порог, — всегда, всегда оно приходит к нам на память — детство!

Детство прошло на Мокрой Суре: есть такая река впадающая в Днепр. Село тянулось по самому берегу, утопая в садах. Белое, нарядное. Ей-богу, не было лучше села на всей Украине!

В чисто выбеленной, увешанной рушниками комнате стоял необыкновенный сундук. Собственно говоря, по внешности ничего необыкновенного в нем не было. Стоило только пройтись по длинной улице села и заглянуть в его приветливые, аккуратные хаты, и в каждой из них можно было встретить эти окованные железными обручами махины. Покрытые домотканными ковриками, разрисованными фантастическими цветами и птицами, они стояли по горницам на самом виду; в них хранились плахты, шитые узорами сорочки, пестрые ленты и выходные, мазанные салом сапоги.

В каждой хате сундук был обыденной и привычной вещью, но только непосвященный мог думать, что на те, прочие, чем-либо похож этот сундук.

Чуть только щелкал с мягким звоном замок и начи-

нали скрипеть заржавевшие от времени петли, Иван бы
уже тут как тут.

— Уйди, — строго говорила мать.

Но он не уходил, а вертелся под руками, норовя з
глянуть внутрь. Его не занимали ни монисты сестер, н
сорочки, ни отцовские новые сапоги: подумаешь, нев
даль — сапоги и монисты! Он с нетерпением ждал то
минуты, когда мать доберется до дна. Там, на дне, ле
жало то, что делало сундук в хате Богатырей не похо
жим на все другие сундуки села. Но мать почему-т
никогда не торопилась, частенько она захлопывала крыш
ку, так и не добравшись до самой главной вещи. Эт
очень огорчало Ивана, и он думал о том, какие скучны
и совсем нелюбопытные люди, эти взрослые.

Иногда счастье все же улыбалось ему. В поисках ка
кой-либо затерявшейся одежки мать перетряхивала вес
сундук, и из-под вороха всевозможных вещей появлялс
черный, аккуратно сложенный матросский костюм: по
тертый бушлат с ясными пуговицами, брюки, полосата
тельняшка и старинная, топорщащаяся бескозырка с не
померно широким околышем, на котором потускневшим
от времени золотом была выведена надпись: «*Броненосе
«*Князь Потемкин-Таврический*». Костюм был славо
отца и гордостью семьи.

Служил когда-то в славном городе Одессе на броне
носце «Потемкин» широкоплечий, ладный матрос Ива
Иосифович Богатырь. Мечтал Богатырь о лучшей доле
водил Богатырь дружбу с самим Матюшенко [1], и когд
вспыхнуло на броненосце знаменитое восстание, в пер
вых рядах его был Богатырь. В молодой душе его, ка
и у других, жила наивная, но мужественная вера, чт
теперь конец всем мытарствам, горю, невзгодам, чт
светлая доля, как зорька, занялась над родимой землей
Но не так пошло, как думалось и хотелось.

---

[1] Один из руководителей восстания на броненосце «Потемки н

Ушли от родных берегов в румынский порт Констан-цу, а потом арест, тюрьма, угроза смертной казни, побег. Но вера не гасла; матрос-потемкинец прошел с нею через огни революций, гражданской войны, и, когда была завоевана лучшая доля, на Днепропетровщину, в белую хату, принес Богатырь, как память о своей матросской славе, флотский бушлат, брюки, тельняшку и бескозырку. Жинка вычистила ту форменку, пересыпала ее махоркой, чтобы не поела моль, и уложила на самое дно расписанного узорами сундука.

Раз в году, в погожий день весны, содержимое сундука выносили для проветривания во двор. Весть об этом мгновенно облетала всех ребятишек села, и они повисали на плетнях двора Богатырей и, вытаращив глаза, не мигая, молча и восторженно глядели на колеблемые ветерком тельняшку, брюки и бушлат, на бескозырку. Даже взрослые и те норовили пройти мимо, чтобы взглянуть на историческую форменку.

Ребятишки висели на плетнях целый день, до позднего вечера. Шумные и задиристые, тут они благоговейно робели, только один паренек, чуть постарше Ивана, — такой Иосиф Петренко, бродяживший по Черноморью, а затем поселившийся у дядьки на селе, — считал своим долгом разговаривать.

— Шикарная форменка, — говорил он. — Моряки вообще народ шикарный. И знаете, где это все было? У нас в Одессе. Шикарный город, такого города нету даже в Африке.

— А ты броненосец не бачив? — тихо спрашивал кто-либо из ребят.

— Я не бачив? — удивлялся Петренко. — Як же я не бачив, колы я бачив?

Однажды, когда мать отлучилась из дому, Иван заметил на подоконнике случайно забытый ею ключ от сундука. Искушение было столь велико, что он не выдержал и, выпрыгнув на улицу, стал скликать своих друзей.

— Идить до мэне, — говорил он свистящим шопо
том, — я батькину форменку надевать буду.

Не прошло и минуты, как ребятишки были уже по
окнами хаты Богатырей.

Иван открыл сундук и дрожащими от волнения ру
ками вытащил форменку. Он облачался в нее медленн
и торжественно. И пусть бушлат висел на нем, как н
палке, пусть непомерно длинны были брюки и бескозыр
ка сползала на глаза, но все же на нем была настоящая
форменка матроса-потемкинца. И даже много видевший
Оська Петренко щелкнул языком и с явной завистью
сказал:

— Шикарный моряк.

Но не успел он сказать, как лицо его вытянулось,
ребятишек из-под окон точно ветром сдуло.

Иван глянул в зеркало и обомлел. За спиной на по
роге стояла мать.

— Ты що? — воскликнула она. — Що ты робишь, а
Знимай швидче! Знимай, поки батько не прийшов до
дому та не надрав тоби вуха. Ну, чого ты стоишь
Знимай!..

Но Ивана — послушного, тихого Ивана — точно
подменили. Он стоял посреди горницы, высоко подняв
голову, и на весь каскад материнских несправедливых
причитаний и слов он ответил:

— Не зниму.

Мать остановилась и растерянно посмотрела на сына

— Боже мий! Ты що сказав матери? Ты як це сми
казати?

— Не зниму, — твердо повторил Иван.

Неизвестно, чем бы кончилось все это, если бы в
хату не вошел отец. Он был высок, седоус, работал на
кирпичном заводе управляющим, и на фуражке отца, на
его пиджаке и даже усах лежал тонкий слой кирпич
ной пыли.

— Почему мать не слушаешься? — строго спросил отец. — А ну, снимай!

— Не зниму, и все, — спокойно, но громко произнес Иван в третий раз.

Отец поглядел на мальчонку удивленным взглядом, обошел его со всех сторон и вдруг серьезно сказал матери:

— Не мешай ему, мать, пускай привыкает.

★

И вот посреди двора пограничного отряда, как некогда посреди горницы, стоял двадцатилетний Иван Богатырь.

Была на Богатыре пригнанная по росту и не совсем привычная после пиджака нараспашку краснофлотская форменка, и каждый мог сказать, что он, Богатырь, — боец морской пограничной охраны, потому что об этом было написано золотом на черном околышке его новенькой бескозырки.

Нет, он не собирался быть ни моряком, ни военным. Детство... Да мало ли о чем мы мечтаем в детстве! Он любил свою работу токаря на паровозоремонтном заводе в Днепропетровске. Нравилось ему следить, как под его руками оживала сталь, как росла у станка горушка изделий, сработанных им за день. Потом ему захотелось учиться в политехникуме. Но пришло время, и вот он стоял на пороге другой жизни. Граница! Он знал о ней много и не знал ничего. Сколько любви и мужества, беззаветности и настороженной тишины, дружбы и беспощадности было заключено в одном этом слове. Граница! Как встретит она его, когда он выйдет в первый свой наряд?..

— Богатырь, Ваня... Каким ветром?..

Ох, и была радость, когда, обернувшись на оклик, он увидел Петренко. Ну да, это был Иосиф Петренко,

который вместе с ним купался в Суре, удил рыбу, таскал кавуны с баштанов, а потом, уехав из села, сгинул точно в воду.

Он шел через весь двор, чуть покачиваясь, как старый моряк, и улыбался своей, какой-то особой, петренковской улыбкой.

Они обнялись и расцеловались.

— Вот где свиделись, — сказал Богатырь. — Ты давно на границе?

— Я здесь старожил. А вот ты как сюда?..

— По спецнабору, — сказал Богатырь. — Вызвали в комиссию, спрашивают: «Куда хотите?» Я говорю: «Батька был моряком, и меня давайте на море».

Они разговаривали о многом и, казалось, обо всем сразу, как друзья, встретившиеся после долгой разлуки. Потом Богатырь спросил:

— Слушай, Иосиф, а какая здесь служба?

Петренко покровительственно посмотрел на Ивана:

— Попробуешь, узнаешь.

— Нет, все-таки, — настаивал Богатырь, — какая служба?

— Трудная, — ответил кто-то сзади.

Друзья обернулись и вытянулись. Перед ними стоял старший лейтенант Денисов.

В сумерки дождливого дня Богатырь вышел в свой первый дозор на границу вдвоем с Иосифом Петренко. Старшим наряда был Иосиф.

Этот первый пограничный наряд на всю жизнь остался в памяти Богатыря.

Они пересекли шоссе и углубились в буйную заросль кустарника. Было холодно и мокро. Богатырь поднял капюшон плаща. Петренко, заметив это, строго спросил:

— А слушать кто будет?

Ивану стало неловко, и он поспешно сбросил капюшон обратно.

Петляя по кустарникам, они наконец выбрались на крутую скользкую тропинку и спустились по ней к морскому берегу.

— Ну, — сказал Петренко, — вот и граница.

Шумел дождь. Лениво и глухо билось о прибрежную гальку море.

И они пошли под моросящим дождем, поглядывая и прислушиваясь, по самому краю родной страны.

★

Минул тридцать девятый год, сороковой. В феврале тысяча девятьсот сорок первого года Ивана Богатыря направили в школу оружейных мастеров при одесском пограничном отряде.

В одесскую школу оружейников съехались бойцы из всех отрядов Черноморья. Иван присматривался к ним. Все они были хорошие, дельные ребята. Но особенно ему приглянулся высокий, сильный паренек с румынской границы. За обедом они сидели рядом. Богатырю очень хотелось заговорить, но он не решался. Уже обед кончился, пили чай, как вдруг парень повернулся к Ивану и спросил:

— Откуда?

— Из Днепропетровска, — ответил Богатырь.

— А-а... — протянул высокий, — припоминаю...

— А ты? — спросил Иван.

— Из Москвы

— Что-то слыхал, — в тон ответил Иван.

Парень улыбнулся.

— Ты, я вижу, острый.

— Точно, — буркнул Богатырь, потягивая чай из кружки.

— Ну, будем тогда знакомы, — сказал высокий. — Николай Долгов.

— Иван Богатырь.

— Хороша фамилия, — удивился Долгов. — Выдуманная?

— От бога, — усмехнулся Иван.

К вечеру им уже казалось, что они знакомы друг с другом нивесть сколько времени.

Когда курсантов отпустили на несколько часов в город, Богатырь и Долгов пошли вместе. Им очень понравилась Одесса. «Шикарный город», вспомнил Богатырь слова Петренко. И в первых письмах домой друзья уже писали. «У нас, в Одессе...».

Помчались дни и месяцы учения. Школа пришлась по душе и Богатырю и Долгову. Они любили технику той мальчишеской любовью, когда каждая сделанная мелочь — событие, вызывающее в душе целую бурю восторга.

Оружие всех родов и систем проходило теперь через их руки: автоматы, пистолеты, винтовки и пулеметы. Особенно им нравился пулемет.

Нет, что там ни говори, а жизнь в школе была крепкая, настоящая, заполненная до краев, и вдруг она оборвалась тревожной командой: «В ружье!»

Курсанты выстроились на дворе в полной боевой готовности.

Было двадцать второе июня, четыре часа утра.

★

Они стояли на Днестре, охраняя мосты и переправы, по которым день и ночь двигались войска и обозы к румынскому участку фронта.

Фронт близился к Черноморью. Опасность нависла над Одессой. И для курсантов пробил долгожданный час: их сняли с Днестра и для формирования отдельного пограничного полка бросили в Одессу.

Да, Одесса была в опасности! Фронт проходил в восемнадцати километрах от нее.

В здании школы, где шло формирование, где можно было встретить пограничников из всех черноморских отрядов, Богатырь встретил Иосифа Петренко.

Иван познакомил Иосифа с Николаем Долговым, и они решили втроем проситься в один взвод.

Но ничего из этой затеи не вышло. Рота, к которой был причислен Петренко, оказалась укомплектованной полностью, а заниматься перестановкой людей было сейчас не ко времени.

Друзья возвратились в общежитие расстроенными.

— Что ж тут поделаешь, — сказал Петренко. — Не в одном взводе, так в одном полку. Будем друг к другу в гости ходить.

Формирование полка шло тем временем четко и быстро. Бойцы получали обмундирование, оружие. Люди работали день и ночь. Но Богатырю казалось, что все тянется слишком медленно.

Июльским теплым вечером полк погрузился на грузовики и в полной боевой готовности двинулся в степь, к линии обороны.

Когда последние домики Одессы остались позади, Богатырь шопотом спросил рядом сидящего Долгова:

— Ты волнуешься, Николай?

— Очень. А ты?

— Знаешь, сил нет, — ответил Иван и, как бы справдываясь, добавил: — Все-таки в первый раз!..

— А ты попробуй думать о чем-нибудь другом, — посоветовал Николай.

— Пробовал, — вздохнул Богатырь. — Ни черта не выходит.

— И у меня ничего, — сказал Долгов. — Паршиво...

Машины уже ехали в темноте по степной разбитой дороге, идущей к юго-восточному участку фронта.

У какого-то хутора грузовики остановились, и в темноте прозвучала негромкая команда:

— Слезай!

Дальше дороги не было. К переднему краю от хутора надо было пробираться несколько километров пешком.

Часа через полтора пограничники заняли свои рубежи.

Богатырь и Долгов разместились со своим пулеметом в сухой, хорошо оборудованной дерево-земляной огневой точке.

— Вот мы и на фронте, — сказал Долгов, помогая Богатырю устанавливать пулемет у амбразуры.

— Да, — подтвердил Богатырь. — А тишина такая, будто на Днестре.

Он подошел к амбразуре вплотную и стал всматриваться в ночь.

Всего в нескольких стах метрах был враг.

Где-то там, глубоко зарывшись в землю, сидит тот первый вражеский солдат, которого он, Иван Богатырь, убьет в первом своем бою.

«А, может, он меня убьет раньше, чем я его», подумал Иван, но не испытал страха при этой мысли, а только представил себе, как обидно будет умирать, сознавая, что ни один враг еще не тронут твоею пулей.

Богатырь отошел от амбразуры и уселся на соломенную подстилку.

— Вот что, Долгов, — обратился он очень озабоченно к Николаю: — давай уговариваться, как мы воевать будем.

— А ты как думаешь? — спросил Николай.

— А вот как думаю. Во-первых, голову под пули зря не подставлять, она у тебя одна и запасных нету. Героизм не в том, что тебя убьют, а в том, что ты убьешь... Второе: друг за друга в огонь и в воду...

— Правильно, — сказал Николай. — Это очень правильно.

— Третье, — продолжал Богатырь, загибая пальцы: — не паниковать никогда и нигде.

Утро было такое же тихое и спокойное, как и ночь Теперь из амбразуры дзота видна была степь — пустая, безлюдная и молчаливая.

Утомленный бессонницей, Богатырь прикорнул на соломе. Он проснулся от сильных ударов, сотрясавших землю. По нашему переднему краю била немецкая артиллерия.

Обстрел длился минут пятнадцать и внезапно стих. Друзья прильнули к амбразуре. Вдруг Богатырь заметил движущуюся цепь. На буром фоне земли выступали ряды мерно шагающих людей. Затем до его слуха долетели звуки музыки.

Румыны шли в атаку. Они двигались по степи ровными, казалось непоколебимыми рядами, четко отбивая шаг и держа наготове автоматы. Над головами солдат, на степном ветру, колыхалось знамя. Впереди шел оркестр.

«Психическая», подумал Богатырь, вспомнив фильм о Чапаеве. Там шли каппелевцы, как сейчас идут румыны. Но был ли у каппелевцев оркестр? И Богатырь стал мучительно припоминать — был ли у них оркестр, словно это было самым важным для него в эту минуту.

Когда до румын осталось метров четыреста, Богатырь сказал:

— Ну, Коля, началась для нас война.

Он положил палец на спусковой рычаг пулемета, и странное спокойствие овладело им. Не было больше ни ноющей боли в сердце, ни страха перед смертью, — только одно мучило его теперь: не пропустить момента, не дать другим пулеметам опередить себя. Иван выждал еще несколько секунд и нажал на рычаг. Колыхнулось и рухнуло на землю знамя, упали барабанщик и офицер и еще несколько солдат, сверкнули на солнце летящие в разные стороны трубы оркестра, и солдатская стена, казавшаяся такой неустрашимой и грозной, вдруг заметалась и стала рассыпаться.

Когда через полтора часа кончился бой и румыны скрылись в своих траншеях, Богатырь, пошатываясь, отошел от пулемета и, прислонясь к стене, засмеялся счастливым, облегченным смехом человека, выдержавшего решающее испытание в жизни и почувствовавшего всю свою силу.

— Ничего, мы еще не то делать будем; мы еще и в штыки пойдем, — говорил он, вытирая с лица грязь и пот, — и в разведку...

И они ходили и в рукопашные, и в разведку в эти грозные и тяжелые дни у самого синего моря, под Одессой.

ИВАН БОГАТЫРЬ НАДЕВАЕТ РУМЫНСКУЮ ФОРМУ

Все, что делалось ими в разведке до сих пор, было подступом к тому, что надо было совершить сегодня ночью. Богатырь понял это сразу, как только они вышли из штаба.

— Ну? — спросил он Николая Долгова, останавливаясь у плетня, на котором сохли выстиранные армейские брюки и рубашки.

— Мне нравится, — ответил Долгов.

— Святое дело, — подтвердил Богатырь.

— Только меня беспокоит, что это штаб дивизии, — сказал Долгов, — и что брать придется штабных офицеров... Непривычно...

Богатырь нахмурился.

— Что и говорить, общество деликатное, шуму будет, я знаю!

Они разговаривали, не глядя друг на друга. Потом они замолчали. Потом они одновременно вытащили кисеты и стали сворачивать цыгарки. Но цыгарки крутились плохо.

Когда наконец были скручены на редкость неуклюжие цыгарки, Богатырь нарушил молчание.

— Знаешь, Долгов, — сказал он, закуривая, — мы с тобой очень хорошие разведчики.

— Вот еще! — промычал Долгов, затягиваясь махорочным дымом.

— Не «вот еще», а я тебе говорю, хорошие, — слегка обозлился Богатырь. — Вот и нынче посылают не кого-нибудь, а нас с тобою.

— Это потому, что я румынский язык знаю, — сказал Долгов.

— Врешь, — обрезал Богатырь. — Не в румынском языке дело.

И хотя все было на самом деле так, как говорил Богатырь, и вся армия восхищалась их отвагой и мастерством, Долгов покраснел.

— Ну тебя! — сказал он. — Нашел время хвастать.

— Я разве хвастаю?—удивился Богатырь.—Я же...— Но он смутился и закашлялся. — У, чорт, родится же такой крепкий тютюн на белом свете!

Долгов вздохнул:

— Ночь бы скорее...

— До ночи далеко, — сказал Богатырь и взглянул на часы.

До ночи было действительно далеко. Утро только-только зачиналось.

Но хлопцы были безучастны к восходу. Они глядели на солнце и думали о ночи. Они ждали ее со всем нетерпением молодости. Ночь. Вот встанет она над землей, и двадцать пять отборных разведчиков по особо важному заданию перейдут линию фронта, углубятся в тыл врага и пойдут к хутору, где, по имеющимся данным, расположен штаб румынской дивизии, действующей на этом участке. Двадцать три человека расположатся в охранении, и только двое — Иван Богатырь и Николай Долгов — должны бесшумно пробраться в самое здание штаба. Там надо взять «языка» и документы.

Еще совсем недавно Богатырь был только пулеметчиком. Работа пулеметчика была серьезной, большей частью дневной, на людях. Она нравилась Богатырю своей силой. Тут счет шел не на единицы, а по меньшей мере на десятки. Но Богатырю этого было мало. Томило безделье в затишье между боями. Спал он мало, и пустые ночи тянулись до бесконечности. И он стал разведчиком, не покидая пулемета.

Больше месяца Богатырь ходил в учениках. Учиться надо было многому: и говорить шопотом, и бесшумно двигаться, и свистеть, и ползать так, чтобы ни один чорт тебя не приметил.

— Всего у тебя должно быть втрое больше, чем у хорошего бойца, — говорил сержант Сундуков, прославленный разведчик. — Хороший боец хорошо стреляет, а ты стреляй лучше его втрое. Хороший боец смел, а ты будь смелее его втрое, потому что за бойцом на поле боя одна смерть ходит, а за разведчиком в деле сразу три увиваются. Вот и соблюдай пропорцию.

Ударила немецкая пушка. Снаряд курлыкнул над головой и разорвался далеко позади, в городском предместье. Начинался день.

— Пошли, — сказал Долгов Богатырю. — До ночи надо выспаться.

Ночь пришла. Темень над степью стояла такая, хоть глаз выколи. Темень — хорошо. И то, что ветер шелестел травой, — тоже хорошо. Лучшей ночи для разведки не выдумаешь.

Разведчики ползли глубокой лощиной.

Богатырь полз рядом с командиром группы лейтенантом Фурсовым; позади, на равном расстоянии друг от друга, пробирались остальные разведчики. Ползли люди так бесшумно, что просто душа радовалась. Иногда они пробирались метрах в пяти, шести от часовых. Те слушали во-всю, но ничего не могли услышать; глядели в оба, но ничего не могли разглядеть. Теперь Богатырь

был уже спокоен: полный волнений день остался позади.

Хутор, где располагался штаб румынской дивизии, находился километрах в двенадцати от переднего края.

Немцы и румыны были всегда настороже. По шоссе и проселкам, у колодцев и просто в степи взад и вперед проходили дозоры, стояли часовые, и короткие оклики их то и дело слышались в ночи.

Линию фронта разведчики перешли в месте стыка двух неприятельских полков. Миновав землянки, в которых отдыхала румынская солдатня, они лощиной выбрались к проселочной дороге; отсюда до штаба дивизии оставалось еще шесть километров.

— Пора добывать пропуск, — приказал лейтенант.

Вся группа осталась в высокой траве, а Богатырь и Долгов подползли к самому проселку и залегли. Мимо прошли два солдата, охраняющих дорогу. Богатырь дал знак Долгову. Ползком, иногда приподнимаясь и прячась за кусты, они последовали за солдатами. Патрульные прошли по дороге метров двести и повернули обратно. Разведчики не отставали от них. Патрульные прошли в обратном направлении полкилометра. Богатырь и Долгов следовали за ними. Это была трудная, изнурительная прогулка, и, как назло, навстречу ни живой души. Долгов слегка занервничал, но Богатырь был спокоен. Он знал одно: надо добыть пропуск. И если придется пробираться ползком двадцать километров, это его не остановит. Можно было, конечно, дойти до штаба без пропуска, но это было рискованно. Наконец судьба все же сжалилась над разведчиками. Где-то на повороте дороги скрипнула повозка. Патрульные вскинули ружья и крикнули: «Стой!» Повозка остановилась, чуть заметная во мраке. Патрульные пошли к ней навстречу. Теперь нельзя было зевать. Богатырь и Долгов подползли к повозке вплотную; если бы патрульные

поглядели в их сторону, они бы сразу заметили разведчиков.

— Пропуск? — спросил один из патрульных.

— Палаш, — послышался шопот. — Отзыв?

— Примария, — чуть слышно произнес патрульный.

Но и этого шопота было достаточно для чуткого уха Долгова.

К хутору разведчики добрались в полночь. До восхода луны оставалось не так уж много времени. Надо было спешить. Пока все шло как нельзя лучше. Домик, в котором помещался штаб, был бесшумно обложен со всех сторон.

Дверь штабной комнаты была полуоткрыта. У стола, на котором горела керосиновая лампа, сидел офицер. У стены, на топчане, сладко похрапывая, спал второй офицер.

В комнату вошли два румынских офицера. Один — высокий, широкогрудый, другой — ростом пониже, черненький, с молодым насупленным лицом. Обменялись приветствиями.

— Господин майор, — обратился высокий к сидящему за столом офицеру. — Мы прибыли за сведениями.

— Какими сведениями? — несколько недоумевая, спросил майор.

— То есть как? — в свою очередь удивился высокий. — За теми, какие нам необходимы.

Майор даже приподнялся из-за стола.

— Вы путаете что-то, — сказал он резко высокому.

— Ни в коем случае, — ответил офицер.

— Из какой части? — резко спросил майор.

— Из сорок третьего полка, — ответил высокий.

— Мне такая часть неизвестна, — насторожившись, сказал майор и подался назад, но было уже поздно.

— Мне тоже неизвестна, — сказал высокий и сильным ударом оглушил майора. Майор пошатнулся,

Николай Долгов подхватил его одной рукой, другой, свободной, быстро достал из кармана стальные браслеты, и не успел майор очнуться, как они оказались на его руках, а во рту очутился надежный кляп из кострицы.

Богатырь одним глазом следил за спящим, другим любовался работой Долгова. Когда с майором было окончено, Иван улыбнулся.

— Красиво, — сказал он. — Такая красивая работа, я знаю!

В его устах это было высшей похвалой. Он любил, когда люди красиво делали свое дело.

Еще работая на заводе, отшабашив, он часами мог простаивать перед станками умелых токарей, любуясь их сноровкой, четкостью и легкостью — всем тем, что делало их труд искусством. И на войне, в бою, ему важно было не только выстрелить, но и как выстрелить. Даже в решительные моменты, когда жизнь зависела от секунды, под самым носом у смерти, он не терял этой способности любоваться работой людей.

Полдела было сделано. Теперь оставался спящий офицер. Богатырь склонился над ним и осторожно перевернул его на бок, чтобы заложить за спину руки. Офицер промычал что-то во сне и мотнул головой. Затем Богатырь вытащил из кармана браслеты и защелкнул их на руках офицера. От прикосновения металла офицер шевельнулся и дернул руки, но руки были скованы. Он дернул вторично, браслет звякнул, и офицер проснулся. Мутными спросонья глазами глядел он на Богатыря. Взгляд его скользнул к столу и остановился на майоре. Глаза офицера расширились, губы разомкнулись для крика.

— Браток, не торопись, — спокойно предупредил его Богатырь и сунул ему в рот большой клок кострицы.

Не теряя времени, разведчики принялись собирать бумаги и папки.

Когда все было кончено, Богатырь в последний раз окинул взглядом комнату.

— Пошли, — сказал он офицерам, махнув пистолетом.

Офицеры поднялись, и в эту минуту Ивану страстно захотелось, чтобы вот здесь, в комнате штаба румынской дивизии, его, Ивана Богатыря, увидел бы старший лейтенант Денисов и отец. Отец кашлянул бы и сказал: «Хорошо носишь фамилию». А что бы сказал Денисов, этот спокойный и задумчивый лейтенант пограничных войск, отдавший пятнадцать лет жизни границе, учитель Ивана? Пожалуй, он бы только улыбнулся и бросил свое излюбленное: «Шагай, шагай, чекист». «Где он сейчас, Денисов? — подумал Иван. — Жив ли?»

Нагруженные перевязанными бечевками папками, разведчики, подталкивая револьверами офицеров, осторожно спустились с крыльца на двор. Тренированные глаза быстро освоились с мраком. Кругом было тихо, сонно, и на углу попрежнему маячила фигура часового. Разведчики повели офицеров прямо на него.

Офицер, которого вел Богатырь, ловко вильнул в сторону и бросился к часовому, надеясь на помощь, но часовой вскинул винтовку.

— Куда? — сказал он по-русски. — Соображать надо.

— Дело сделано, — шепнул часовому Богатырь. — Айда!

Минут через тридцать группа разведчиков под видом румынского подразделения двигалась по проселку к переднему краю. Офицеров вели в самой середине. Долгов командовал по-румынски и отзывался на оклики часовых.

Всходила луна. Она тяжело, заметно для глаза, взбиралась повыше в небо. Трепетный свет ее разлился по степи.

Когда разведчики прошли уже три километра, в штабе

дивизии спохватились. Рота румынских солдат бросилась за разведчиками. Вспыхнул в степи автоматный огонь, и начался бой. Некоторое время разведчики, отстреливаясь, отходили, но румын было во много раз больше. Они окружили разведчиков и стали сжимать кольцо. Группе пришлось залечь и организовать круговую оборону. Шел неравный бой.

Лейтенант Фурсов подполз к Богатырю и тронул его за плечо.

— Ваня, — сказал лейтенант. — Дело наше — табак. Бери с собой кого хочешь, пробейся к своим и скажи — нуждаемся в помощи.

— Понятно, товарищ лейтенант, — ответил Богатырь.

— Кого берешь?

— Долгова.

— Ладно, — согласился лейтенант. — Действуй.

Богатырь окликнул Николая. Тот лежал в быстро вырытом окопчике и вел неторопливый снайперский огонь.

— Надо к своим, — сказал Богатырь.

Они молча выпростали ножи и поползли прямо на залегших румынских солдат.

Пробраться незамеченными сквозь цепь? Об этом не стоило и мечтать. Надо было подползти как можно ближе к румынам и ножами проложить себе дорогу.

Они ползли, прижимаясь к земле, почти сливаясь с нею. Еще один метр, еще... еще...

Румыны рядом... Богатырь и Долгов поднялись и бросились на них.

Увертываясь от ударов прикладом, разведчики били ножами. Они дрались молча, румыны кричали и ругались. Наконец Богатырь сделал рывок вперед, остановился на одно мгновение и почувствовал, что вокруг него никого нет.

— Коля! — крикнул Иван.

— Здесь! — отозвался Долгов, подбегая к Богатырю.

Они побежали. Выбравшись на какую-то стежку, они на секунду остановились. Больше по ним никто не стрелял. Бой шел далеко позади.

Богатырь оглядел себя. Фуражки на голове не было, офицерский мундир был изодран. Долгов выглядел не лучше. Они пошли...

На часового разведчики наткнулись нежданно-негаданно. Он вынырнул из-за высоких кустов и окликнул. После всего пережитого пароль выскочил из головы. Они попытались вспомнить его, но не смогли, да и нужен ли он был им сейчас, когда из штаба румынской дивизии, вероятно, успели уже сообщить по всем подразделениям о том, что в тылу действует крупная группа советских разведчиков? Пароль давно, наверное, заменен другим.

Богатырь и Долгов бросились в сторону. Часовой выстрелил. Заголосили свистки. В лунном свете на дороге замелькали тени бегущих людей.

— Погоня! — крикнул Богатырь.

— Ага, — отозвался Николай.

И они пустились бежать во-всю. Только потом разведчики узнали, что наткнулись на командный пункт румынского батальона.

Разведчики добежали до кустов, скрылись за ними и, свернув в сторону, остановились. Посреди аллеи, обсаженной молодыми деревьями, стояла танкетка. Люк ее был открыт. Кругом никого. Богатырь подкрался к танкетке и прислушался. Внутри танкетки не было никого. Румыны приближались, ясно слышны были их голоса.

— Давай забирайся! — нетерпеливо приказал Долгову Богатырь.

Долгов, тяжело дыша, забрался в танкетку. Богатырь оглянулся и ловко шмыгнул вслед за Николаем. Разведчики осторожно опустили за собою люк и крепко-накрепко завинтили его. Друзья сидели, не шевелясь,

затаив дыхание. Не прошло и минуты, как погоня была уже возле танкетки. Румыны галдели. Наконец в танкетку постучали. Кто-то попытался приоткрыть люк. Долгов внезапно зевнул и завозился.

— Какого чорта там стучат? — крикнул он сердито по-румынски.

— Эй, приятель! — донесся снаружи голос. — Тут бежали советские разведчики...

— Ну, и ищи их, — ответил Долгов, — а спать не мешай. — И он выругался. Это сразу подействовало. Солдаты заговорили шопотом и побежали прочь.

Переждав время, Богатырь приоткрыл люк и высунулся наружу. Кругом было тихо и безлюдно. Он хотел было вылезти из танкетки, но подумал: «А что, если танкетку завести?» Еще на заводе он знал моторы, во время войны любил посматривать, как возятся со своими машинами танкисты, даже сам пробовал водить пару раз машину. Богатырь юркнул обратно и поведал свою мысль Николаю.

— Попробуем, — сказал Долгов, — лишь бы пошла.

— Пойдет, — ответил Богатырь. — Душа из нее вон. Она теперь наша.

Он стал в темноте возиться с мотором. Поначалу все шло хорошо. Мотор фыркнул два раза, словно спросонья, и заурчал ровно и бесперебойно. Теперь предстояло пустить танкетку, и тут-то друзья и хлебнули горюшка. Богатырь нажимал педали, передвигал рычаги; танкетка то вертелась волчком, то пятилась назад, но вперед двигаться и не думала. Иван взмок и чертыхался. Сзади, на сиденье стрелка, нервничал и потел за компанию Долгов.

Иногда Иван переставал возиться, откидывался назад, на спинку сиденья, и, отдуваясь, говорил:

— Подожди, сейчас все начну сначала. — И начинал, запоминая, что к чему. И вот произошло чудо: танкетка неожиданно, на бешеной, просто несусветной скоро-

сти рванулась вперед. Долгова подбросило, и он стукнулся непокрытой головой о броню.

— Береги голову! — крикнул Богатырь, но и его постигла та же участь: он ударился так, что ему показалось, будто голова треснула пополам. А танкетка ревела и мчалась вперед, подпрыгивая, точно одержимая. Богатырь вел ее степью напрямик к переднему краю. Она проскочила румынскую траншею, не дав румынам опомниться; они даже и вслед не стреляли ей, решив, что это своя танкетка пошла в тыл русских. Впереди тянулись наши окопы. Танкетку встретили сосредоточенным огнем. Богатырь не останавливал машину; он преодолел один окоп, второй, третий и, маневрируя, скрываясь за плетнями, понесся к деревеньке, где стоял штаб полка. Теперь цель была близка, только бы не ударили противотанковые пушки. Наконец танкетка миновала разрушенный сарай и, опрокинув плетень, выскочила на штабной двор.

Когда они вошли в хату, их не узнали. Головы были в желваках, ссадинах, кровоподтеках; лица черны от копоти.

Выслушав доклад, командир полка стал быстро отдавать приказания. Посмотрев на Богатыря и Долгова, он велел им немедленно отправляться в медсанбат. У Богатыря екнуло сердце.

— Товарищ майор, нельзя ли медсанбат отложить? Разрешите нам на этой танкетке туда... на выручку. Мы из румын колбас понаделаем, я знаю!

— Разрешите, товарищ майор, — поддержал Долгов. — Мы танкетку освоили полностью. Она у нас, как какая-нибудь дрессированная собачка.

— Я вижу, — язвительно сказал майор, кивнув на головы разведчиков, и строго добавил: — В медсанбат.

Долгов вздохнул и сразу скис. Богатырь почувствовал, что если и он скиснет, придется действительно итти

в медсанбат. И он стал просить майора и доказывать ему, что лучше их никто не знает дороги, что там ждут немедленной помощи, а танкетка быстра.

Майор задумался: «Пожалуй, пустить танкетку — резон». И он бросил:

— Перевязаться немедленно.

Их стали перевязывать индивидуальными пакетами тут же. Головы обрастали бинтами и ватой. Кто-то принес огромные шапки-ушанки.

— Вот это добре! — повеселел Богатырь. — Будут вместо шлемов.

Танкетка мчалась обратно в тыл к румынам.

— Давай, давай! — кричал Богатырь, не отрывая глаз от смотровой щели. Залитая лунным светом степь расстилалась перед ним.

Румыны, заметив немецкую танкетку, обрадовались.

— Капут, русский! — кричали они окруженным разведчикам. — Эй, капут!

Богатырь видел, как румыны замахали танкетке шапками, указывая ей путь, перебегали, давая дорогу. Танкетка замедлила ход и вдруг косанула злым и долгим пулеметным огнем по румынской цепи. Румыны заголосили, заметались. Солдаты валились.

— Еще, еще, Долгов! — кричал Богатырь. — Учи их лучше!

И Долгов учил, не жалея. Наконец Богатырь не выдержал: он прибавил газ и на полной скорости рванулся к румынам. Он давил их теперь гусеницами, сбивал с ног. Когда остатки роты рассыпались по степи, Богатырь вытер с лица пот и улыбнулся. Затем он развернул танкетку и пошел догонять своих.

Разведчики, выбравшись из окружения, быстро уходили, ведя с собою двух «языков» и неся папки с штабными документами.

Лейтенант Фурсов все время оглядывался назад, ожидая, что вот-вот к ним присоединится советская тан-

кетка, которая так во-время подоспела к ним на помощь. Вскоре позади послышался рокот, и каково было удивление лейтенанта, когда он явно различил, что их настигает не своя, советская, а вражеская машина!

Лейтенант Фурсов отдал приказание немедленно рассыпаться и залечь.

«Вот цирк! — с досадой подумал Богатырь. — Не признают».

Он остановил танкетку. Только машина стала, как целый шквал автоматного огня обрушился на нее. Пули забарабанили по броне, и все, казалось, зазвенело внутри танкетки.

Открыв люк, разведчики начали кричать, не высовываясь:

— Бросьте стрелять. Тут свои, свои!..

Они кричали во всю силу своих легких, по складам, до хрипоты, но все было тщетно. Их не слышали, и пули продолжали щелкать по броне.

— Они нас застрелят, — мрачно сказал Долгов.

— Застрелить не застрелят, — ответил Богатырь, — а вот гранатой поднимут за милую душу.

Ему стало холодно от такой мысли. Он представил себе, что вот сейчас, в эту минуту, кто-нибудь уже подползает к танкетке со связкой гранат.

Они закричали еще раз:

— Не стреляйте! Свои-и!

Но и на этот раз не помогло. Тогда Богатыря осенила мысль. Достав из кармана белый платок, он привязал два уголка его к кинжалу и, приподнявшись, осторожно высунул это сооружение через люк наружу. Стрельба сразу смолкла.

Над танкеткой взвился белый флаг. Танкисты сдавались.

Прошла в Крыму зима, совсем не похожая на благодатные зимы юга. Дули в ту зиму злые, пронзительные ветры, обжигали морозы. На ветру, на морозе, под немецким огнем пограничники долбили кирками неподатливую землю, рвали аммоналом камень, возводя оборону на высотах у Балаклавы.

На высоте 96,6 обзавелся своим хозяйством пулеметный взвод Ивана Богатыря. Высота была важная: она служила ключом к целому району. Отсюда по склонам были хорошо видны виноградники совхоза «Благодать», была видна Балаклава — маленький рыбачий городок у голубой бухты, а дальше — дорога на Севастополь.

На высоте выстроили центральную долговременную огневую точку, справа и слева выстроили еще по одной, а между ними устроили промежуточные, земляные; все они сообщались между собой глубокими траншеями и были сооружены наславу.

Пошли беспрерывные бои, большие и малые, но всегда изнурительные и кровопролитные. Немцы наступали на Севастополь. Богатырь дрался со всей страстью. Он водил своих бойцов в контратаки, в разведки, в рейды по вражеским тылам; он отдавал себя войне без остатка. Он был пулеметчиком, разведчиком, но этого ему было мало. Он стал снайпером. Семьдесят два гитлеровца полегли замертво под его снайперским огнем, — мало. Он обучил искусству снайпера сто тридцать человек, и ученики его уничтожили около полутора тысяч немцев, он все не унимался. Бойцы, зараженные этой ненавистью, были подстать своему командиру.

Петренко воевал теперь во взводе Богатыря. Тот памятный день под Гурзуфом, когда погиб в бою Николай Долгов, сблизил их еще больше, и они стали неразлучными.

Однажды — было это уже весной — Богатырь и

Петренко и еще пятеро разведчиков по заданию штаба армии пошли брать «языка». Ночь, как назло, выдалась плохая — лунная, хоть плачь.

Разведчики тронулись в путь. Петренко, Богатырь и еще один боец были одеты в немецкую форму. На двух последних она сидела мешковато, зато мундир Петренко был точно влитый. Петренко сам убирал лишнюю ширину, шил, кряхтел, колол иголкой пальцы, но стойко переносил все невзгоды. Он был франтоват и даже на этот раз не хотел изменить своей привычке.

Благополучно перебравшись через линию фронта, группа углубилась на территорию, занятую врагом.

Зашли далеко, а «языка» все не было, точно в одну ночь вымерли все немцы.

— Ну и ну! — сказал, отдуваясь, Петренко, когда группа остановилась на отдых. — Положение...

— Обыкновенное, — ответил Богатырь.

Петренко обиделся.

— Что я — сосунок в разведке?

— Я не говорю, что сосунок, — сказал Богатырь. — Люди ходят и ищут поскольку суток, я знаю!

Он сказал не столько для того, чтобы успокоить своих товарищей, сколько для самого себя. Положение действительно было не из приятных. Вернуться назад с пустыми руками? Нет, этого никогда не было. Этого нельзя было допустить и сейчас. Ходить по нескольку суток за «языком» ему тоже не приходилось.

Передохнув, разведчики тронулись дальше. Они выбрались из балочки на тропинку. Тропинка вилась на вершину невысокой горы.

Они пошли по тропинке в гору. Не доходя нескольких метров до вершины, Петренко, который шагал рядом с Богатырем, вдруг замер.

— Ты чего? — шопотом спросил Иван.

— Слушай, — сказал Петренко, — вот... во...

Богатырь прислушался, но ничего, кроме неистового соловьиного пощелкивания, не было слышно.

— Что ты слышишь? — спросил Богатырь.

— Говорят где-то. Послушай лучше...

Богатырь напряг слух. Несколько секунд он стоял, чуть подавшись вперед.

— Кто-то говорит и смеется, — неуверенно прошептал Богатырь.

— Ага, — кивнул головой Петренко. — Точно.

— Ну и слух у тебя, чортов! — с нескрываемой завистью сказал Иван. — Пошли.

Разведчики, хоронясь в тени деревьев, осторожно выбрались на вершину и залегли. Первым вниз взглянул Богатырь. От вершины к большой поляне шел пологий, поросший небольшими деревцами спуск. У самого подножья горушки виднелось какое-то здание, похожее на огромный сарай. Возле самого здания, на поляне, сидели и стояли немцы, человек семьдесят. Немцы громко разговаривали и смеялись.

По дороге, ведущей к зданию, то и дело шли новые и новые группы немцев. Они входили в сарай и возвращались оттуда вооруженными. В сарае помещался склад оружия.

Из-за камня, рядом с Богатырем, появилась голова Петренко. Он окинул взглядом поляну и поморщился.

— Уж больно много, — сказал он шопотом.

— Да, рискованно, — согласился Богатырь — Только я так думаю, дальше итти не резон. Надо «языка» брать здесь.

Петренко кивнул головой.

Они наблюдали еще несколько времени, потом отползли.

— Вот что, — сказал Богатырь разведчикам: — вы оставайтесь здесь, следите внимательно, а я попробую смешаться со всей это шушерой. Надо посмотреть, что они там делают в складе.

Иван шмыгнул вниз и кустарниками бесшумно, — та бесшумно, что даже Петренко не смог расслышат шороха его шагов, — спустился к дороге. Он засе и стал ждать. Ждать пришлось ему недолго. Появи лась толпа солдат человек в тридцать. Они шли сараю. Когда солдаты прошли мимо, Иван проворн выскочил на дорогу и пошел следом. Потом он зате сался в толпе.

Сарай, в который зашел Иван, был доотказа застав лен ящиками. За столом сидел длинноносый блеклы офицер с забинтованной шеей. К столу тянулась солдат ская очередь. Подходя к офицеру, солдаты называл свои фамилии. Офицер клал перед ними на стол автомат два набитых патронами магазина к нему . Получив ору жие, солдаты аккуратно расписывались в ведомости.

«А что, если и мне получить оружие?» мелькнула у Ивана задорная мысль.

И он стал в очередь. Очередь продвигалась медлен но. Порою Богатырю казалось, что за ним кто-то сле дит; тревожный холодок пробегал по телу. Иван украд кой оглядывался. Немцы были заняты каждый своим. Никто его не замечал. В форме солдата он был таким же, как все.

Очередь Богатыря приближалась. Солдаты называли свои фамилии. Богатырь подошел к столу и сказал:

— Адольф Гец.

Офицер занес что-то в ведомость. У Богатыря, каза лось, остановилось сердце. Затем офицер положил на стол оружие и, пододвинув ведомость к Ивану, отвер нулся, чтобы приготовить автомат для следующего сол дата. И тут Богатыря обуяло мальчишеское озорство. Он обмокнул перо в чернила и вписал в ведомость ла тинскими буквами свое настоящее имя и фамилию: «Iwan Bogatir». Затем он взял со стола оружие и быстро вышел с группой солдат из сарая.

Через несколько минут Богатырь был на горушке среди своих.

— Гарна работа! — сказал мрачно Петренко, выслушав рассказ Богатыря. — Только я думаю, что ведомость не будет иметь настоящего виду, пока там не станет фамилия Петренко. Так что я пошел.

Он уже поднялся с земли, но Богатырь остановил его.

— Отложим до следующего раза, — сказал он улыбаясь. — Я думаю про «языка»...

Он стал излагать свой план разведчикам.

Вскоре Богатырь с Петренко спустились к сараю. Остальные бойцы последовали за ними и расположились вблизи. У них все было наготове: и кострица, и браслеты, и здоровые, не в одной рукопашной проверенные кулаки.

Немцы, ничего не подозревая, по-прежнему разговаривали, смеялись, входили и выходили из склада.

— Действуем, — шепнул Богатырь Петренко, приготовляя гранаты. — Как условлено: ты в окно, я в дверь.

И он шмыгнул за угол склада.

Две гранаты, брошенные Петренко и Богатырем, разорвались в сарае одновременно; где-где, а тут уже действительно был гром среди ясного неба. Грохот и крик, вопль шарахнувшейся в ужасе солдатни — все смешалось в одно. Петренко швырнул еще пару гранат. Немцы побежали. Объятые паникой, опрокидывая друг друга, точно стадо испуганных выстрелом кабанов, летели они кто куда. Переодетые в немецкую форму разведчики вскочили и побежали на горушку вместе с двумя мчавшимися без оглядки немцами.

Внизу, на складе, все еще продолжало громыхать: это рвались ящики с гранатами. При каждом взрыве немцы припадали к земле, рядом с ними припадали и разведчики.

Один из немцев был офицер. «Этот будет мой», ре шил Богатырь и, прибавив шагу, догнал его и побежа с ним рядом. Наконец у самой вершины немцы легл отдохнуть. Богатырь, тяжело дыша, вытянулся возл офицера. Через несколько мгновений Иван приподнялс на колени с таким видом, будто ему неудобно лежать Офицер покосился на него и опять отвернулся. Иван выждав мгновение, внезапно всей тяжестью своего тел навалился на немца. Это был сигнал. Петренко бросилс на второго. Немцы яростно сопротивлялись, металис рвались, но все равно стальные браслеты защелкнулис на их руках и во рты были загнаны пеньковые кляпы.

Дело было сделано. Разведчики тронулись к своим Они шли весь остаток ночи. С боем прорвались он сквозь немецкий передний край. Апрельский рассвет за стиг их у высот под Балаклавой.

ОДИН

Готовился штурм Севастополя, который должен бы быть яростней и ожесточенней первых штурмов.

Двадцатого мая дело начала немецкая авиация.

Но в этот день высот под Балаклавой немцы не тро гали. Они появились над ними только третьего июня.

Богатырь проснулся от воя и гула. Еще не понимая что произошло, он вскочил и выглянул наружу. Каза лось, что не самолеты, а туча саранчи застелила небо Завесы пыли окутали сопку со всех сторон. Под бом бежкой были ближайшие линии обороны, командные пункты батальона и полка.

«Сейчас и по нас...» подумал Иван. И не успел он это подумать, как несколько самолетов появилось над высоткой 96,6. Это были пикирующие бомбардировщики Богатырь их сразу узнал по повадке. Самолеты шли высоко, встречаемые белыми клубочками зенитных раз-

рывов, и вдруг, развернувшись, один за другим, ревя, точно взбесившиеся быки, ринулись они вниз, на сопку. Почудилось, что земля раскололась на части,—так был силен этот первый удар.

Но все это было прелюдией к самому главному — к штурму.

Штурм начался седьмого числа утром. Он длился целыми днями, стихая к ночи и вспыхивая с новой силой на рассвете восьмого, девятого и десятого.

Одиннадцатого числа было так спокойно и так тихо, что усталым людям показалось, будто гроза миновала и все обошлось.

Наступило двенадцатое июня.

Только что взошло над Балаклавой солнце, и с моря неохотно стал уходить ночной туман.

И в этот тихий час благодатного июньского утра снова начался штурм. Его как бы открыл невероятный по своему ожесточению артиллерийский налет. По высоте 96,6 начали бить пушки всех калибров, от дальнобойных тяжелых до легких горных орудий.

Богатырь упорно пытался припомнить, испытывал ли он когда-нибудь нечто подобное. Он перебирал в памяти все бои, в которых ему приходилось участвовать, вспоминал Одессу и Перекоп и дороги отступлений под артиллерийским обстрелом, но все это меркло по сравнению с тем, что приходилось испытывать сейчас.

— Что это будет? — тяжело вздохнув и ни к кому не обращаясь, спросил высокий краснолицый боец.

— Чтобы без паники, — строго сказал Богатырь и пошел звонить в боковые точки, спрашивая, как дела. В левой все обстояло благополучно, в правой осколками тяжело ранило двоих. Богатырь нахмурился.

Три долгих часа длилось это артиллерийское неистовство и вдруг оборвалось, точно лопнуло что-то в ушах. Нависла звенящая тишина.

Богатырь подошел к двери, ведущей в ход сообще-

ний, приоткрыл ее, но отпрянул назад. Густая бела пыль хлынула в дот и заволокла все. Не успела он улечься, как снова загрохотало. Теперь снаряды рвалис на подступах к высотам.

Вдруг кто-то крикнул:

— Идут!

— Идут, идут! — подхватило несколько бойцов. — Вот, вот они...

Богатырь быстро подошел к амбразуре. По долинке недавно пустынной и безлюдной, извиваясь, двигалис серые немецкие цепи. Под прикрытием артиллерийского шквала они шли быстро. Точно девятый вал на море, катился он впереди немецких солдат, защищая их и круша на пути препятствия.

— Приготовиться! — крикнул Богатырь.

Автоматчики выбежали из дота и заняли свои места в траншеях, пулеметчики стали у пулеметов.

— Огонь!

Высота ощетинилась вспышками выстрелов.

Около тринадцати часов в центральный дот вбежал запыхавшийся боец. Он нашел глазами Богатыря и крикнул:

— Петренко помирает!

Богатырь оторвался от пулемета и ничего не понимающим взглядом посмотрел на бойца.

— Что ты там сказал? — спросил он, сам не узнавая своего голоса.

— Петренко, говорю, помирает. Ногу оторвало начисто.

— Брешешь! — крикнул исступленно Богатырь. И, ничего не видя, ничего не соображая, он кинулся вон из дота.

Он бежал по траншее, не пригибаясь. Пули взвизгивали над его головой. Щебнем и землей обдавало его всего.

Богатырь ворвался в дот и остановился у самого

дорога. В доте царил полумрак и стоял кисловатый запах порохового дыма.

Иван не сразу нашел Петренко. Тот лежал в отдаленном углу на подстилке из сухого вереска, покрытой запачканной в крови шинелью.

Петренко заметил вошедшего Богатыря и слабым, срывающимся голосом окликнул его:

— Ваня, я здесь... Иди сюда...

Богатырь подошел к нему на цыпочках, точно боясь разбудить спящего. Он склонился над другом и не узнал его. Широкое смуглое лицо Петренко стало узким и серым, только глаза теплились живым и чуть-чуть грустным светом.

— Вот недоразумение, — сказал Петренко, — умираю.

Он сказал это так просто, что Богатырь растерялся и не знал, что ему ответить.

— Тебе больно? — спросил он после минутного молчания.

Петренко мотнул головой. Богатырь взял руку товарища. Петренко закрыл глаза. Он дышал тяжело и неровно, как дышат иногда во сне. Вдруг он освободил руку и, не открывая глаз, сказал:

— Поцелуй меня на прощанье, друг...

Богатырь наклонился, и они поцеловались долгим-долгим поцелуем.

— Ты меня помни, Ваня, — сказал Петренко. — И когда старым будешь, помни. Слышишь?

— Слышу, — ответил Богатырь, не выдержал и заплакал. Он плакал, не отворачиваясь, глядя сквозь слезы на умирающего.

— Чего ты плачешь, дурной? — грустно промолвил Петренко. — Я ж не помру, это я пошутил...

Он приподнялся, уже ничего не видящим взглядом обвел все вокруг и, глотнув воздуха, упал.

— Кончился, — тихо сказал рядом стоящий боец.

Он нагнулся и прикрыл лицо Петренко погранич зеленой, выгоревшей на крымском солнце фуражкой.

Богатырь покинул дот. Он вышел в обваливш стертую начисто снарядами траншею и остановился. Во окаменело в нем. Он стоял под огнем, ни о чем не д мая и ничего не чувствуя. Бойцы кричали, чтобы о уходил, но Иван не слышал их криков. Он оглянул и увидел немцев: они были близко от него. Оцепенен как рукой сняло. Богатырь вытащил из кобуры писто лет, прицелился в одного долговязого солдата и выстр лил. Долговязый свалился. Богатырь выстрелил во вто рого, и второй упал. Он стрелял, спокойно прицеливаяс стоя во весь рост, точно в тире. Так он стрелял до те пор, пока бойцы не стащили его вниз.

Бой крепчал. Связь была нарушена, и ее уже н было возможности восстановить. Атаки следовали одн за другой. Падали раненые и сраженные насмерть бой цы, падали они тихо, сдерживая стоны и никого н зовя на помощь.

Богатырь не отходил от пулемета. Ему предложил смениться, но он отказался наотрез.

Около пятнадцати часов Богатырю сообщили, чт левый дот разбит и весь расчет погиб.

— Как правый? — спросил Богатырь.

— Десять человек наличными, — ответил боец. — Держатся.

Богатырь уступил свое место у пулемета второму но меру и пошел в правый дот приободрить гарнизон. Н только вышел он в ход сообщений, как снаряд удари в амбразуру правой точки. Богатырь побежал со все ног туда, где нуждались теперь в его помощи товарищи Он вбежал в дот и остановился. Из десяти человек о которых ему только что доложили, в живых осталось только пятеро. Пулемет молчал. Иван бросился исправ лять его. Он работал лихорадочно, подгоняя себя: «Ско рее, скорее, скорее!» А немцы уже ползли к точке

Они были в ста метрах от нее, ведя огонь из автоматов. Пули залетали внутрь сквозь развороченную амбразуру. Вот упал один боец, второй, несколько пуль чиркнуло по стальной каске Ивана, рухнул без стона пулеметчик, помогавший Богатырю. Но Богатырь продолжал работать. Он хорошо знал, что положение может спасти только пулемет. И когда исправленный пулемет стал у амбразуры и первая пробная очередь была пущена Богатырем, немцы отхлынули, оставляя на камнях своих убитых.

— Кто в живых? — крикнул Богатырь, не оборачиваясь.

— Я, — послышался ответ. И к Ивану шагнул приземистый паренек с лицом в кровоточащих ссадинах.

— Один? — спросил Богатырь.

— Один, — ответил боец.

— Сможешь?

— Смогу.

Богатырь улыбнулся ему.

— Держись, браток.

— Есть держаться, — сказал боец и припал к пулемету.

Богатырь вышел из дота. Высоко над головой в ясном небе, точно степные ястребы, выискивающие добычу, кружили два пикировщика, но Богатырь не обратил на них внимания. Вдруг он увидел бегущего ему навстречу краснолицего пулеметчика, который был у него вторым номером. Молчала центральная точка.

— Что там стряслось? — крикнул Богатырь.

— Я один, — ответил пулеметчик.

— А остальные? Где остальные? — спросил Иван.

Боец не ответил.

Богатырь все понял. Остальных больше не было. Надо было торопиться, но позади рвануло со страшной силой, и горячая твердая волна обрушилась на Ивана.

Очнулся Иван от отдаленного перекатистого крика. Богатырь приподнялся и почувствовал в правой части тела нестерпимую боль. Он попробовал шевельнуть правой рукой, но она едва повиновалась. Он был контужен взрывной волной от сброшенной пикировщиком авиабомбы. Невдалеке, уставив глаза в небо, лежал мертвый пулеметчик, и на том месте, где недавно была правая огневая точка, громоздились груды разбитого камня.

А перекатистый крик все приближался. Это кричали поднявшиеся в атаку немцы.

Богатырь мог покинуть высоту, надо было только перевалить через гребень и, переползая от укрытия к укрытию, спуститься вниз, но сама мысль об этом показалась Богатырю постыдной и преступной.

«Все равно я их сюда не пущу, — подумал он. — Умру, а не пущу».

Преодолевая боль, Богатырь побежал в центральный дот. Полный решимости, стал он у пулемета. Он был один, один на высоте 96.6 под Балаклавой.

Было шестнадцать часов тридцать минут.

Приободренные молчанием высоты, немцы шли теперь во весь рост, не страшась, уверенные в своем успехе. Но продвигались они уже не сплошной цепью, как раньше, а большими группами, соблюдая дистанцию. Их было много, человек четыреста, и, стреляя, они шли к высоте.

Богатырь, развернув пулемет, ударил по левой группе. Огонь был неожидан и точен. Половина немцев упала, остальные отпрянули и покатились назад.

Увидев, что стряслось с их левой группой, немцы пришли в ярость. Богатырь видел, как они валились на землю за камни, за бугорки, выкрикивая ругательства и грозя высоте кулаками. Они галдели, точно гуси. Богатырь прошелся по ним свинцом.

Тогда немцы, осмелев, решили покончить с пуле-

метом. Они выкатили противотанковую пушку и установили ее метрах в трехстах от дота.

Первый снаряд с хрустом прошелся по стенке, второй разорвался где-то позади, и третий разорвался позади, зато четвертый ударил прямо в амбразуру.

Богатыря бросило на землю, но он тотчас же поднялся и почувствовал, как по его лицу течет кровь. Он был ранен осколками в голову. Но не о себе Иван подумал в эту минуту. «Пулемет! Что с пулеметом?» Пулемет стоял, покосившийся, но живой. Иван даже вскрикнул от радости, может быть, точно так же обрадовался бы он подоспевшей помощи, как сейчас тому, что пулемет невредим.

Пушка била теперь точно по доту. Положение стало критическим. Богатырь пошел на хитрость: он прекратил огонь. Не доверяя молчанию пулемета, немцы продолжали стрелять из пушки и под прикрытием ее огня ползли вперед. Немцы поднялись. Богатырь не стрелял. Немцы были уже в восьмидесяти метрах, а он не стрелял и ждал, закусив до крови губы. Семьдесят метров... Шестьдесят... Пушка смолкла, боясь поразить своих. Вот этого и добивался Богатырь.

И пошел бой на короткой дистанции между одним пулеметчиком и батальоном. Роты шли на высоту и, не выдерживая разящего огня, катились вниз, оставляя на склонах убитых. Оставшиеся в живых немцы скапливались внизу и опять шли, немые от душившего их ужаса и животного упрямства.

Немецкая пуля перебила Богатырю левую руку, он застонал от боли, но, наспех перевязав немеющей правой рукой рану, снова сросся с пулеметом. Он разворачивал его теперь грудью, нажимая спусковой рычаг пальцем контуженной руки. Кровь, смешавшись с пылью, запеклась на его лбу, на губах, на ресницах, а он все стрелял и стрелял, и ему казалось, что даже мертвым он будет стрелять.

Словно поняв тщетность своих лобовых атак, немцы решили обойти высоту с фланга. Триста автоматчиков двинулись узкой лощиной в обход. Большая опасность грозила целому району обороны, если бы немцам удалось прорваться в тыл. Но Богатырь во-время заметил их.

В течение тридцати минут смерч гулял по узкой лощине. Автоматчики метались из стороны в сторону. Из трехсот человек живыми ушло не больше сорока, и с высоты было видно, как бежали они, бросая оружие.

Двадцать один час. Пришла вслед за сумерками быстрая южная ночь, а бой не стихал, и вдруг в двадцать один час тридцать минут он оборвался, и внезапная тишина упала на землю под Балаклавой...

Но Богатырь ждал. Не верилось, что это конец долгому, пятичасовому бою. Ивану все еще чудилось, что вот-вот оживут эти камни на склонах. Да и камни ли это? В неверном свете луны они казались притаившимися солдатами, ждущими только сигнала, чтобы еще раз ринуться в решительную атаку. Но никто не давал сигнала, никто не стрелял, никто не шел.

Богатырь слушал и думал. Вот сейчас на сопке под Балаклавой он, комсомолец Иван Богатырь, боец-пограничник, двадцати трех лет отроду, один держит линию обороны. Сорок пять бойцов, его товарищей, полегли смертью храбрых. У амбразуры стоял покосившийся пулемет, гранат больше не было, патронов больше не было. А что, если немец пойдет еще раз в атаку? Он ясно представил себе, как свора солдат, выкрикивая свое излюбленное: «Рус, сдавайся!», ворвется в дот. В плен они его не возьмут, — это дудки. Он умрет хорошо, честно, но он представлял и то, что будет после его смерти, когда пройдут серые немецкие цепи через гребень сопки к высотке, где расположен командный пункт его батальона. Какой кровью тогда остановишь их? Богатырю стало жарко, пот выступил на лбу. Он

хотел стереть его, но не мог, руки не повиновались, они висели, как плети: одна перебитая немецкой пулей, другая контуженная. Надо было сообщить на командный пункт батальона, что сопка воюет, что немцев здесь нет, что он, Богатырь, жив, держит оборону и просит подмоги. Но как сообщить, если связь давным-давно прервана? Ракета? Но и ракетница была не здесь, а в маленькой промежуточной земляной точке. Богатырь вспомнил о ней. Он поднялся и, превозмогая боль, пошатываясь, двинулся к выходу. Только теперь Иван почувствовал, как он слаб и как опасна была эта слабость. Ветерок, казалось ему, мог повалить его, и он шел и думал: «Только бы не упасть, только бы добраться до ракетницы, только бы не упасть... Если упаду, нехватит сил подняться».

Он вышел из дота. Прислонившись к стенке, перевел дыхание. В промежуточную огневую точку, где лежала ракетница, вела глубокая траншея, но теперь ее не существовало больше.

Итти было тяжело: мешали камни и рытвины, мешало все, даже висящий на поясе кинжал. Богатырь хотел снять его, но не смог: не было сил сделать это. «Хорош гусь, — подумал про себя Иван. — Если бы немцы знали только...» И он улыбнулся хитрой улыбкой человека, проведшего за нос сильного врага. Вдруг из воронки вынырнула огромная фигура. Это было столь неожиданно, что Богатырь оцепенел. Немец! Да, немец! Он стоял перед Иваном рослый, широкоплечий, с засученными по локоть рукавами, чуть подавшись вперед, точно готовый к прыжку. Луна осветила его широкое, заросшее щетиной лицо. Это был офицер, притаившийся в воронке и застрявший здесь во время одной из атак, отбитых Богатырем. Богатырь заметил в его руках автомат и гранату. Два смертных врага стояли, рассматривая друг друга. Один — большой, полный сил, другой —

невысокого роста, израненный и разбитый; один — вооруженный, другой — почти безоружный.

«Ну, теперь, Иван, конец», подумал Богатырь, и горькая обида защемила его сердце. Неужели для того прошел он невредимым через десятки боев, через столько опасных рейдов и разведок, чтобы сейчас так глупо и бесцельно погибнуть? Неужели теперь так просто, без единого выстрела, немцы займут сопку, на которой пали сорок пять его товарищей, сопку, которую он один защищал в течение пяти часов, стерев навечно с лица земли пулеметным огнем сотни немцев? Какая поганая смерть...

Иван не трогался с места. Он ждал. Неподвижно стоял и немец.

Изловчиться и выхватить из кобуры пистолет? Бессмысленно: офицер выстрелит раньше, нежели успеешь пошевельнуться.

— Русский, — неожиданно спросил немец, — ты один?

— Один, — зло ответил Иван.

Офицер взмахнул автоматом.

— Сдавайся, русский!

— Дурак, — ответил Богатырь и вдруг крикнул, что было сил: — Ты зачем пришел к нам?..

В этом крике было столько ярости и презрения, что офицер испуганно отступил и быстрым, вороватым движением не швырнул, а подбросил к Ивану гранату. Ногой Богатырь отбросил ее в сторону. Отлетая, граната разорвалась. Рой осколков впился в ногу Богатыря, взрывная волна оторвала его от земли и швырнула вперед, к офицеру. Иван упал на колени, быстро попытался встать, но боль во всем теле сковала его, и он, застонав, уткнулся лицом в землю.

— О, русский, ты живой, — сказал офицер и засмеялся негромким смешком выигравшего человека.

И этот смех поднял Ивана. Собрав всю свою волю, он рванулся и встал перед немцем. Немец посмотрел на Богатыря удивленными глазами, но не отступил, а только откинул чуть-чуть туловище назад и поднял автомат для удара. Но Иван предупредил его: со всей силой, какая только была в нем, он устремился вперед и грудью толкнул немца. Немец вскрикнул и упал, увлекая за собой Богатыря, и, уже падая, Богатырь контуженной рукой вырвал из ножен кинжал и всадил его в горло немца по самую рукоятку. Больше он ничего не чувствовал и не помнил ничего.

Когда Богатырь очнулся, было уже утро, и первый, кого он увидел, был майор Кекало.

— Как, Ваня, дела? — ласково спросил Кекало.

— Живу, товарищ майор, — чуть слышно ответил Богатырь.

— И будешь жить, — улыбнулся майор, — непременно.

Богатырь устало закрыл глаза. Майор на цыпочках отошел от носилок, на которых лежал раненый, и Иван слышал, как он обратился к врачу.

— Доктор! — спросил майор. — Скажите, пожалуйста, доктор, из какого это камня сделаны советские люди?

★

Указом Президиума Верховного Совета СССР за отвагу и геройство, проявленные в борьбе против немецких захватчиков, сержанту-пограничнику Ивану Ивановичу Богатырю присвоено звание Героя Советского Союза.

★

Государственная Историческая Библиотека

Редактор С. Андреев
Подписано к печати 27/X 1943 г.
Л69463. 1⅛ печ. л. 2,2 уч.-изд. л.
37 800 зн. в печ. л. Тираж 50000.
Заказ 1520. Цена 55 коп.

Набрано на ф-ке юношн. книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Отпечатано в 1-й тип.
Трансжелдориздата НКПС
Зак. 5072.

Цена 55 коп.

1012